

И. А. Фукалов

*Кыргызский национальный университет им. Жусуна Баласагына
ул. Фрунзе, 547, Бишкек, 720033, Кыргызстан*

fukalov1988@mail.ru

ВНЕШНИЕ КОНТАКТЫ И ВЛАСТЬ У БАСМЫЛЬСКИХ ПЛЕМЕН В IX–XI ВЕКАХ

Басмыльский идикут является малоисследованным государственным образованием тюркских народов раннего Средневековья. В середине VII в. басмылы заняли Среднюю Азию и закрепились на данной территории, дав начало последующим государствам. Басмылы – наследники Великого Тюркского каганата, однако в эпоху столкновений мощных государств, таких как Танская империя и халифат Аббасидов, они оказались перед выбором могущественного сюзерена. Титул правителя басмылов – идикут, не давал им возможности в полную силу развернуть институт сакрализации власти каганов. Однако после падения Второго Тюркского каганата (744 г.) басмыльские правители на недолгое время стали хозяевами Средней Азии. Процессы разрушения раннефеодальных отношений в государстве не дали возможности басмылам закрепиться в регионе, но сам этнос сохранился, повлияв на последующие этнополитические образования в Средней Азии, вплоть до установления власти государства чагатаидов в XIII в.

Ключевые слова: Средняя Азия, раннее Средневековье, басмылы, идикут, власть.

В истории исследований народов Центральной Азии раннего Средневековья практически забыты племена басмылов, имевших возможность особого пути в развитии своего института власти, отличного от Уйгурского каганата и Карлукского Джабгулиата. Басмылы, как племенной союз, показали себя в середине VIII в., однако не успели прийти к расцвету построения государства в отличие от соседей. Актуальность исследования состоит в том, что история басмыльских племен и их власти по сей день является белым пятном в современной тюркологии и истории Центральной Азии. Особенно это касается взаимодействия внутри племен простых кочевников-басмылов и властей, а также внешних столкновений басмылов и их соседей. Целью статьи является определение роли и места басмыльских племен в истории Центральной Азии в указанный период. Задачи состоят в выявлении особенностей появления и развития басмыльских

идикутов, изучении истории военных походов басмылов, выявлении институтов власти у басмыльских племен в период их наивысшего могущества.

Время образования племенного объединения басмылов точно неизвестно, как и их расовая и этническая принадлежность. Семантика этнонима (басмыл – «человек смешанного происхождения» [Бартольд, 1968. С. 66]), обилие групп, составлявших этот этнос («сорокаплеменными басмылами» названы они в уйгурской надписи из Могон Шине Усу, 760 г.) [Васильев, 1897. С. 81], двуязычие басмылов (по свидетельству Махмуда аль Кашгари, они говорили на «своем» (т. е. нетюркском) языке, возможно иранской группы, но владели и тюркским) – все это характеризует басмылов как объединение разных по этническому происхождению групп, может быть, выходцев из иранских, тюркских и иных этносов. В словаре Дюканжа слово «басмыл» переводится еще и

как «метис» [Аристов, 1896. С. 106]. На Восточном Тарбагатае, где сложились басмылы, обитали усунь и тохары, через этот хребет, двигаясь на запад, прошли северные гунны [Грум-Гржимайло, 1926. С. 73].

Первое упоминание о басмылах относится к «Истории династии Тан (Танши)» в 633 г., в соседстве с племенами бома, чумугунь и енисейскими кыргызами. Источник упоминает такие названия, как *ху-сюэ, до-лань-гэ, бай-си, ну-гу, гэ-ло-лу* (древнетюрк. *qarluq*) и *ба-си-ми* (древнетюрк. *basmal*) [Бичурин, 1950. С. 91]. При падении Первого Восточного Тюркского каганата образовались и племена, доселе неизвестные китайским летописцам. Скорее всего, басмылы зародились раньше в среде данников тюрков, однако их малочисленность и положение не позволяли, в отличие от енисейских кыргызов, получить для своих правителей значимый титул эльтебер¹. Таким образом, басмылы выходят в исторический свет одним из народов тюркского корня, появившимся после падения каганата восточных тюрков. Основным их отличием является отдаленность от главных тюркских племен, соседство с енисейскими кыргызами, с которыми у басмылов сложились тесные взаимоотношения еще с VII в. По-видимому, в указанное время еще полностью не сложился институт родовой знати, чем и объясняется отсутствие некоторых важных аспектов власти (сакрализованных титулатурных имен). У уйгуров, огузов и карлуков к этому времени уже имелось фактическое управление через эльтеберов, несших как легитимный, так и сакральный статус каганов Тюркского каганата [Гумилев, 1993. С. 101–117]. Басмылы оказались вне данной системы, отсутствие института эльтеберства в корне повлияло на их дальнейшую историю.

Во время давления Китая на восточно-тюркские союзные племена и в период создания марионеточных «эльтеберств» под его главенством басмылы откочевали на территорию современного Синьцзяна. Это происходило по двум причинам. Первая – нежелание оставаться под властью китайских сановников и непомерные для небольшого племени подати и служба, вторая – общее движение восточно-тюркских племен на запад, вследствие ослабления Западно-

Тюркского каганата. К середине VII в. государство Он Ок Будун (Западный Тюркский каганат) ослабло настолько, что уже было не в состоянии сдерживать процессы миграции новых племен. Так на его землях оказались карлуки, огузы, сиры и басмылы. В 659 г., после падения Западно-Тюркского каганата, упоминания о басмылах связывались с районом современных городов Урумчи и Гучэна (близ последнего находилась ставка их вождя) [Зуев, 2002. С. 112].

Во второй половине VII в. у басмылов уже появились вожди, которые заняли местность возле города Бешбалык как свою ставку. Место было выбрано не случайно и представляло собой оживленный перекресток на двух трассах Великого Шелкового пути, что позволяло басмылам стать значимым племенем во внутренней политике региона. Контроль над таким важным центром давал ощутимые привилегии, однако притягивал и более крупных противников. При распаде Западно-Тюркского каганата территория Турфанского оазиса оказалась под контролем как басмылов, так и карлуков. Западнее образовался Тюркешский каганат. Пока крупные державы сдерживали набеги арабов и восточных тюрков, басмылы строили свое государственное образование. Наличие у басмылов города и их смешанное происхождение привело В. В. Бартольда к выводу о том, что басмылы – «едва ли не первый кочевой народ, перешедший к оседлости» [Бартольд, 1968. С. 88]. Однако во всех источниках вплоть до XI в. басмылы фигурируют как кочевники, хотя и владевшие городами. Данный период (659–704 гг.) можно отметить как период 1-го басмыльского идикутства.

Идикут как кочевое государственное образование тюркских племен несло в своем названии сакральный смысл – в калькированном переводе «августейшее». Басмылы приняли наследников рода Ашина² в качестве правителей, желая закрепить сакральность власти не только в титулатуре, но и в наследственном плане. Титул правителя идикут – *кут* как сакральная основа данной

¹ Наместник, правящий от имени кагана в чужом племени.

² Род Ашина – правящий род во многих тюркских государствах раннего Средневековья. Происходил от легендарного мальчика и волчицы, которая родила 12 сыновей. Принадлежность к данному роду фактически обеспечивала правителю одновременную легитимацию и сакрализацию его власти. Правители, не принадлежавшие роду Ашина, считались узурпаторами.

титулатуры, а слово *иди* расшифровывалось как «государство». Таким образом, данный термин был собирательным: *кут* ‘священный’, *иди* ‘государство, область’. В орхонских надписях есть слово *idioksuz*. Это прилагательное долгое время оставалось загадкой для востоковедов, переведших надписи на немецкий и французский языки. Наконец, Вильгельм Томсен в 1906 г. смог разгадать загадку слова *idioksuz*. В соответствии с его объяснением, это сочетание, состоящее из двух существительных и окончания (*idi, ok, siz*). Слово *idi* в древнетюркском употреблялось в значениях ‘хозяин, человек высокого ранга, правитель’ [Thomsen, 1896. P. 42]. У басмылов прослеживается заимствование лестничной системы управления (основанной на не прямой передаче наследственной власти), участие многих родов в правлении союзом племен. Исследователь А. Г. Малявкин утверждает, что в конфедерацию басмылов входили алтайские кешдимы. Племя кешдим в VIII в. участвовало в кыргызско-уйгурских войнах [Малявкин, 1989. С. 91–93], часть их находилась в зависимости от басмылов и подвергалась языковой ассимиляции со стороны господствующего племени. Таким образом, можно предполагать, что басмылы восприняли и первичную сакрализацию у тюркских и кыргызских племен – сакральный дар Тенгри в качестве власти правителя. Владение городом и центром культуры и торговли благотворно влияло на басмылов, которые становились значимым племенем, ведущим свою независимую политику. При этом басмыльские вожди убередили себя от влияния как тюркешских каганов, так и Китая. Сохранялись связи с кыргызами и племенами тюрков-шато, уйгурами и карлуками. Однако с возрождением Второго Восточного Тюркского каганата ситуация изменилась – басмыльские земли оказались на острие его имперских амбиций. Пока создавался антитюркский союз под руководством кагана енисейских кыргызов Барсбека, на басмылов пошли походом восточные тюрки. Позже, в 714 г., Бешбалык осаждает тюркский каган Мочжо (Могилян). Поход совершается с целью взимания дани, идикутство басмылов оказалось теперь данником восточных тюрков. По сути, восточные тюрки изыскивали ресурсы и покорных союзников для войны против соседей – кыргызов, тюркешей и Китая. Поэтому бас-

мыльское идикутство не было подвергнуто опустошению. Также сыграла свою роль близость религиозных взглядов на власть у восточных тюрков и басмылов. Басмылы становятся данниками и подданными Второго Восточного Тюркского каганата, теряют внешнюю независимость, однако сохраняют свое автономное идикутство в составе каганата, платя при этом дань и направляя воинов в армию кагана.

После войны 710–711 гг. Второй Восточный Тюркский каганат достигает вершины могущества. Им разбиты тюркешы, енисейские кыргызы и союзы мелких племен. Однако Китай начинает подтачивать силы восточных тюрков. В 720 г. наместник Ордоса посоветовал отправить военную экспедицию в район р. Кера (регион Иртыша), чтобы заставить тюрков врасплох. При этом предполагалось заручиться помощью племен кумоси и катаев на востоке и басмылов на западе. Басмылы прибыли первыми, но, обнаружив союзников, поспешили отступить. В 120 км от Урумчи, Тоньюкук (правитель восточных тюрков), преследовавший басмылов, разделил тюркскую армию на две части. Первая должна была захватить город врасплох, пройдя по редко используемой дороге, а второй предстояло напасть на басмылов. План оказался удачным, басмылы были разбиты. На обратном пути Тоньюкук взял Ланьчжоу и увел целые табуны лошадей и многочисленные стада овец [Hirth, 1899. S. 101–108]. Танский Китай воспользовался чужими руками, чтобы проверить силу каганата. Басмылы вновь разбиты, их идикутство уничтожено – само племя фактически становится полновесным данником каганата, в отличие от кыргызов и уйгуров, которые, в свою очередь, сохраняют эльтеберство в составе каганата.

Новый этап в жизни басмылов начинается в 40-е гг. VIII в. Ослабевший Второй Восточно-Тюркский каганат уже был не в состоянии сдерживать подчиненные народы. В 739 г. умер Йоллыг-тегин, престол перешел к его младшему брату Бильге кутлуг-хану, принявшему тронное имя Тенгрикаган, по причине малолетства которого страной управляла его мать Пофу, дочь Тоньюкука и вдова Бильге-кагана. Ее решение о введении в Совет буюруков³ простого

³ Совет управляющих страной, знатные родичи кагана.

тархана⁴, своего фаворита, привело к недовольству знати. На тот момент тюрки вновь разделились на сторонников западных и восточных ветвей Ашина – правителей, носивших титул «тардуш-шад» (соответствует титулу Великий князь). Система управления каганатом была достаточно сложной и включала в себя множество ступеней. Высшую ступень занимал каган, наиболее влиятельными после него были «шад» западного крыла «тардуш» и «шад» восточного крыла «телес». При этом титул «тардуш-шад», скорее всего, имел более высокий статус, по крайней мере именно из числа западных «шадов» и выбирались наследники престола. Наиболее рьяно выражал свое недовольство западный «тардуш-шад», вследствие чего, не без наущения Пофу, был вскоре и обезглавлен. Восточный шад Пан-кюль-тегин вместо словесного высказывания недовольства принимает серьезные меры [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 46–52]. Он нападает на ставку и убивает Тенгри-кагана. Вновь вырезается знать, на престол садится брат убитого кагана. Данный переворот не вызывает доверия у подвластных племен. Теперь уже некий ябгу Кут (по нашему мнению, он принадлежал к сирской партии⁵ в каганате. – И. Ф.) нападает на ставку, убивает кагана и садит на престол очередного брата кагана. В 741 г. ябгу Кут считает свое положение настолько основательным, что, убив своего ставленника, узурпирует престол. Эти действия вызывают столкновение между двумя ветвями тюркских каганов рода Ашина, каждый из которых использует сакральную титулатуру своего рода (имена тегин, тенгри, тардуш и шад являлись сакральными титулами, передававшимися из поколения в поколение, и несли сакральную и легитимирующую функции). В 742 г. власть «нового» кагана ябгу Кута перестала устраивать другие племена. Восстают уйгуры, басмылы и карлуки. Разбив узурпатора, они объявляют о создании своего собственного каганата. При этом басмылы выступают авангардом разрушителей каганата, вместе с уйгурами они наносят поражение силам восточных тюрков, принимая к себе часть знати из рода Ашина (правлящего рода

тюркских правителей). Каганом провозглашается вождь басмылов Седе Иши, уйгурский и карлукский вожди становятся «шад-шадми». Эти события показывают, что у басмылов во главе возрожденного идикутства оказался наследный потомок рода Ашина с легитимным и сакральным правом на убийство кагана-врага и занятие его престола. Однако тюркская знать не смиряется с таким положением вещей и выдвигает своего кагана – Озмыша, сына погибшего Пан-Кюль-тегина. Как мы видим, власть переходит к другой линии Ашина, прямых потомков тюркского «заместителя кагана» ябгу Кута просто не остается. Постоянная борьба за власть в каганате заканчивается поражением тюрков. Басмыльский каган Седе Иши казнит Озмыша и отправляет его голову в Китай [Chavannes, 1903. P. 127–130]. Эти события знаменуют расцвет цивилизации басмылов в VIII в. Седе Иши Ашина объявляет себя наследником великих предков и становится во главе каганата сразу нескольких народов: басмылов, уйгуров, карлуков и восточных тюрков. Его происхождение, вероятно, относилось к боковой ветви рода Ашина, изгнанникам каганских кровей, нашедшим приют в близком по вере идикутстве, где они заняли пост правителя с сакральным именем Ашина. Каган Седе Иши убийством Озмыша и отправкой его головы китайскому императору показал свое право на занятие поста кагана, фактически требуя сакральной легитимации власти у императора династии Тан. Старый ритуал, берущий начало еще с первых каганомарионеток из рода Ашина в середине VII в., нашел тут свое сакральное отражение. Каждый каган перед восшествием на трон и ритуальной инициацией поднят на войлоке был вынужден смиренно просить у китайского императора права на легитимное правление. Седе Иши, по сути, был реальным претендентом на трон кагана, и его правление открывает начало непродолжительного, но яркого 2-го идикутства басмылов (742–752 гг.) – эпохи первого и единственного кагана из рода Ашина у басмылов. Каган басмылов не дождался ответа китайских властей, а на смену ему приходит вождь уйгуров Буйла. Его войска внезапно нападают на прежних союзников басмылов, разбивают их и убивают кагана Седе Иши. Буйла провозглашает себя Кутлуг-Бильге-каганом. Начинается эпоха Уй-

⁴ Титул мелкого правителя у подвластных тюркам народов.

⁵ Партия нетюркских родоплеменных правителей внутри каганата.

гурского каганата. Басмылы и карлуки выступают против предавших их уйгуров, которые решили в одиночку воспользоваться плодами совместной победы над тюрками в 744 г. В 752 г. басмылы вместе с енисейскими киргизами и тюргешами стали союзниками карлукского джабгу⁶ в борьбе с Уйгурским каганатом за восстановление Восточно-Тюркского каганата. Война не имела успеха для союзников. Джабгу карлуков оставил надежды на каганат и прекратил «войну за тюркское наследство». Причинами поражения союзников в войне с уйгурами стали: разобщенность сил союзных войск; получение каганом уйгуров поддержки со стороны Китая в связи с нежеланием возрождения сильной державы и политикой «разобщения варваров»; появление китайских войск в Средней Азии и переход основных боевых действий из Турфанского оазиса и Южной Сибири в тот район; агрессивное вторжение арабских сил, изменившее политическую ситуацию в регионе. Итогом стало подчинение басмылов и енисейских киргизов Уйгурскому кагану и потеря статуса идикутства. Лишь карлукский ябгу сохранил за собой статус правителя в Средней Азии и больше не вмешивался в войну против уйгуров. В этот краткий период проявляется сакрализация власти у басмыльских правителей. В отличие от тюргешей и енисейских киргизов, а также уйгуров единственным легитимным правителем в середине VIII в. мог стать Седе Иши Каган с его правами на восстановление каганата во главе басмыльских племен, сохранивших у себя тенгрианскую систему сакрализации власти и имевших наследников рода Ашина. Этим объясняется столь скорое убийство кагана уйгурами и выдвижение узурпаторов власти из новой династии Яглакар. Басмылы вынуждены смириться с поражением и вновь стать данниками более сильных уйгуров.

В 840 г. Уйгурский каганат пал, басмылы получили свободу. В 847 г. в Турфанской долине образовалось 3-е идикутство басмылов с центром в городе Кара-Ходжо (847 – прибл. 1048 гг.). Третий период жизни басмыльских племен связан с их борьбой против новых сил – исламской экспансии в

Центральной Азии и государством Караханидов. В отличие от уйгуров, карлуков и кимаков басмылы сумели сохранить веру в Тенгри, сакральность власти в идикуте продолжала строиться на основе небесного мандата. Басмылы не приняли новых религий – манихейство, буддизм и ислам, что давало им возможность быть наследниками самой старой из сакрализационных форм легитимизации власти в регионе. Басмылы сохранили сакрализацию власти, присущую тюркским каганам. Правители с момента интронизации, где их положение было центральным, начинали выступать в качестве «Центра универсума». Последнее представляет для нас особый интерес, поскольку выполнение избранниками Неба сакрализующей и гармонизирующей космос и социум функции связано через обладание харизмой с Высшим Законом. Центр, который ассоциировался с «пупом Земли», где зарождается и откуда развивается Мир, сакрализует пространство благодаря распространению по сторонам света. Эта связь правителя – харизмы – «Высшего Закона» определяет жреческие функции кагана, которые (и сакральные, и светские) приобретают универсальный характер в силу универсальности Неба, с которым он связан. Однако соседние племена уже прошли стадию каганатов, приняв осевые религии, и становились все сильнее. Окончание Кыргызского Великодержавия и смута в Китае заставили басмылов сдвинуться на запад. В XI в. басмылы кочевали в Джунгарии по соседству с племенами каи⁷, байырку⁸ и ябаку⁹ [Hirth, 1899. С. 68–77]. Они возглавили союз племен, которые оказались между новым исламским каганатом Караханидов и монголоязычными племенами. Около 960 г., на

⁷ Расовая принадлежность каи неизвестна, хотя исходя из принадлежности их языка к монгольской группе можно предполагать, что они относились к монголоидной расе: внешний облик их потомков в составе, например, башкир (этническая группа катая) был более монголоиден, чем тип других групп башкир. В 847 г., подвергнувшись нападению киданей, каи бежали на запад и обосновались среди тюркских племен, освоили их язык, сохраняя свой.

⁸ После того как басмылы были разбиты объединенными силами уйгуров и карлуков, часть байырку переселилась в Джунгарию и стала жить вместе с басмылами и западными карлуками.

⁹ Этнос, известный в арабо-персидских источниках XI–XII вв. под тюркским прозвищем «ябаку», т. е. человек с длинными взлохмаченными волосами, этим отличавшийся от тюрков, заплетавших волосы в косы.

⁶ Джабгу (ябгу) – титул правителя у карлуков и более ранних народов, по статусу и сакральному значению ниже кагана и шада.

северных рубежах Караханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских гази, борцов за веру, с тюрками-язычниками, почти неизвестные мусульманским авторам. Отзвуки этих событий, запечатленные в караханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда ал-Кашгари и, к сожалению, очень фрагментарны. В произведении Кашгари перечислены главные враги тюрков-мусульман, и среди них – басмылы, названные «сорокаплеменными басмылами». Самых мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд ал-Кашгари, как и Марвази, именует туркменами, как и исламизированных в X – начале XI в. огузов-сельджукидов. Враги Караханидов, племена тюрк-язычников, несколько раз перечисляются. Это уйгуры-идолопоклонники, что жили за р. Ила (Или), в стране Мынглак. Названы ограки, пограничное племя, обитавшее в местности Кара Йигач. Указаны прииртышские йемеки. Но самым страшным врагом Караханидов был союз басмылов, чомулов и ябаку, а также каи. Названные четыре племени известны по китайским и древнетюркским источникам [Малявкин, 1980. С. 127–128]. Особенно были опасны басмылы, так как стремились к созданию тюркского государства, во главе с правителем-тенгрианцем из рода Ашина. Их консолидирующая роль, вкупе с сакральным статусом была опасна для новых хозяев Средней Азии. Особенно досаждал мусульманам бек басмылов и вождь союзных племен Будрач, носивший прозвище Беке, т. е. «большая змея, дракон». Сохранился отрывок сказания о решающей битве мусульман с «Великим Змеем» Будрачем. Тот пришел в страну мусульман с семисоттысячным (!) войском, но гази¹⁰ Арслан-тегин во главе сорока тысяч мусульман разгромил и пленил его. Вот отрывок из речи гази накануне битвы:

Припустим-ка мы коней на рассвете,
будем искать крови Будрача,
сожжем-ка мы бека басмылов,
пусть теперь собираются йигиты¹¹
[Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 281].

Будрач заключил в себе финальную часть сакрализации правителя у басмылов. Воен-

ный вождь и легитимный правитель, наследник коренной религии выступил против Караханидов, однако был ими разбит и пленен.

После разгрома басмылы так и не сумели оправиться. Иддикутство было разрушено окончательно, власть правителей пресеклась, а сами басмылы ассимилировались с местными народами – басызами, аргынами, частично ушли на запад. Так закончилось последнее проявление басмыльской коалиции и сакрализации ее институтов власти в Центральной Азии.

Итак, в IX–XI вв. у басмыльских племен ярко выражена сакрализация власти, основывающаяся на тюркско-тенгрианской основе, четко следующей установке «Тенгри-Кут (харизма) – Каган (правитель)». Частые военные поражения, междоусобицы и наступления арабских войск не позволили басмылам развернуть институты власти в собственном кочевом государстве, они остались на уровне власти племенных вождей. Однако факт существования государства-иддикута позволил басмылам продержаться вплоть до последней четверти XI в.

Список литературы

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6, вып. 3–4. С. 105–111.

Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники // Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. М.: Наука, 1968. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. 277 с.

Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Ред. текста, вступ. ст., коммент. А. Н. Бернштама, Н. В. Кюнера. М.; Л.: Наука, 1950. Т. 1. 560 с.

Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Т. 3. 180 с.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Изд-во Ученого комитета Монгольской Народной Республики, 1926. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. 275 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Мысль, 1993. 504 с.

¹⁰ Правоверный мусульманский командующий войсками в Караханидском каганате.

¹¹ Джигиты. – И. Ф.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 365 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 377 с.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 180 с.

Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. 250 с.

Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк Пресс, 2005. 1088 с.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve. Paris, 1903. IV + 380 p.

Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Radloff W. Die alt-türkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg, 1899. 180 S.

Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Vol. 5). 228 p.

Материал поступил в редколлегию 25.04.2016

I. A. Fukalov

*Kyrgyz National University named Zhusup Balasagyn
547 Frunze Str., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan*

fukalov1988@mail.ru

SIGNS OF POWER SACRALIZATION IN BASMYL TRIBES DURING IX–XI CENTURIES

Purpose. The Basmyl iddikut is a little explored state formation of the Turkic peoples of the Early Middle Ages in Central Asia. The article is devoted to identifying their role in the history of Central Asia through the analysis of their iddikuts, the relations between the Basmyl tribes and their authorities and their military operations during the IX–XI centuries. The article gives an overview of power sacralization in the Basmyl tribes during the period of their greatest power. The author analyzes the sources related to the Basmyls and their relations with the neighboring tribes in the struggle for hegemony in Central Asia.

Results. The Basmyl tribes, which are now almost forgotten, had an opportunity to develop their power in a way different from the Uighur khanate and the Karluk Dzhabguliya. The Basmyls were a tribal alliance, which was organized as a confederation of tribes of nomadic type. In the middle of the VII century, the Basmyls occupied Central Asia and established their power on the territory. According to their position, the Basmyls were heirs of the Great Turkic khanate. However, in the era of collisions between powerful states, such as the Tang Empire and the Abbasid caliphate, the Basmyls had to obey a more powerful overlord. After the fall of the Second Turkic khanate in 744, Basmyls' rulers for a short period became most powerful rulers in Central Asia. The middle of the VIII century was their golden age, but they did not have time to reach the stage of constructing a nomadic state, unlike their neighbors, allies and enemies. Destructing feudal relations did not give them opportunities to gain a foothold in the region, but they preserved their ethnic group, which affected the subsequent ethnic and political processes in Central Asia until the establishment of the state Chagatai in the 13th century. Because of the Arabs raids and the influence of China, the Basmyls lost their positions and could not gain their power any more. Their iddikuts were destroyed completely, the power of the rulers damped and the Basmyls assimilated with other local people such as the Basyz and the Argyn. Some of them went westwards, and it was the end of the Basmyl coalition and its sacralization of power in Central Asia.

Conclusion. Our analysis shows that the Basmyl tribes sacralized power in the IX–XI centuries based on the Turkic-Tengrian basis, in the form of the «Tengri Kut-Kagan». However, frequent mil-

itary defeats and the onset of the Arab forces did not allow the Basmyls to develop their own nomadic state. The power sacralization remained at the level of tribal leaders.

Keywords: Central Asia, early Middle Ages, the Basmils, iddikut, power.

References

Aristov N. A. Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei i svedeniya ob ikh chislennosti [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and peoples and information on their number]. *Zhivaya starina [Living antiquity]*, 1896, vol. 6, iss. 3–4, p 105–111. (in Russ.)

Bartol'd V. V. Drevnetyurkskie nadpisi i arabskie istochniki [Ancient Turk inscriptions and Arab sources]. *Bartol'd V. V. Sochineniya: v 9 t. T. 5: Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov [Bartold V. V. Works: in 9 volumes. Vol. 5: Work on the History and Philology of the Turkic and Mongolian people's]*. Moscow, Nauka, 1968, 277 p. (in Russ.)

Bichurin N. Ya. [Iakin]. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena / Red. teksta, vstup. st., komm. A. N. Bernshtama i N. V. Kyunera [Collection of information about peoples that lived in Central Asia in ancient times / Ed. text, introd. Art., comm. A. N. Bernshtam and N. V. Kuhner]*. Moscow, Leningrad, Nauka, 1950, vol. 1, 560 p. (in Russ.)

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve. Paris, 1903, IV + 380 p. (in French.)

Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii kraj. T. 2: Istoricheskii ocherk etikh stran v svyazi s istoriei Srednei Azii [Western Mongolia and Uryankhai edge. Vol. 2: Historical background of these countries in connection with the history of Central Asia]*. Leningrad, Scientific Committee of the Mongolian People's Republic Publ., 1926, 275 p. (in Russ.)

Gumilev L. N. *Drevnie tyurki [Ancient Turks]*. Moscow, Mysl' Publ., 1993, 504 p. (in Russ.)

Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. *Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge*. St.-Petersburg, 1899, 180 p. (in Germ.)

Klyashtorny S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia]*. St.-Petersburg, Philological Faculty of SPSU Publ., 2005, 377 p. (in Russ.)

Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk / Per., predisl. i komment. Z.-A. M. Auezovoi. [Mahmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk / ed., Foreword. and comments. Z.-A. M. Auezova]*. Almaty, Dyke Press Publ., 2005, 1088 p. (in Russ.)

Malyavkin A. G. Taktika Tanskogo gosudarstva v bor'be za gegemoniyu v vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii [Tang state in the struggle for hegemony in the eastern part of Central Asia]. *Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka [Far East and neighboring territories in the Middle Ages]*. Novosibirsk, Nauka, 1980, 250 p. (in Russ.)

Malyavkin A. G. *Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noi Azii: teksty i issledovaniya [Tang Chronicle of Central Asia: texts and studies]*. Novosibirsk, Nauka, 1989, 180 p. (in Russ.)

Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors, 1896, (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Vol. 5), 228 p.

Vasil'ev V. P. Kitaiskie nadpisi na orhonskikh pamyatnikakh v Kosho-Tsaidame i Kara-Balgasune [Chinese inscriptions in the Orkhon monuments in Kosho-Tsaidam and Kara Balgasun]. *Sbornik Trudov Orkhonskoi ekspeditsii [Proceedings of the Orkhon expedition]*. St.-Petersburg, 1897, vol. 3, 180 p. (in Russ.)

Zuev Yu. A. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii [Early Türks: Essays on the history and ideology]*. Almaty, Dyke-Press Publ., 2002, 365 p.